

Кресло

С.Н. Новиков

Журнал Формирующихся Направлений Науки
номер 23-24(7), стр. 159-163, 2019
© Авторы, 2019
статья получена: 21.07.2019
статья принята к публикации: 21.07.2019
<http://www.unconv-science.org/n23/novikov2>
© Association of Unconventional Science, 2019

'Вдруг стало видимо далеко
во все концы света' (Н.Гоголь)

Кресло мое стоит посреди комнаты так, что противоположная стена длинная. Вдоль нее - полки с книгами. На них - фотографии. Я изобрел новый способ крепить очень устойчиво фото к образцам минералов, которые у меня в избытке, я собираю их всю жизнь. Некоторые фотографии (пейзажные) склеены в цепи, образуют целые панорамы. Лица дорогих мне людей на пьедесталах-камях смотрят со всех полок. Сколько их тут! Я сосчитал. Мы с женой дали жизнь сыну и дочери, они в свою очередь 'сделали' семь внуков и внучек, а эти успели создать четырех правнуков. Итого, мы дали миру тринадцать молодых (и, знаю, красивых) людей! Все они здесь, предо мной в разном возрасте от пяти до 30 лет. Иногда я не знаю, кто это, особенно малышей. В общем, наверное, неплохой итог жизни.

Свою биографию я изобразил на четырех фото, которые прикрепил к длинной пластине полированного гранита, подобранной на какой-то стройке. На первом - милый киевский мальчик 2-3 лет, на стульчике из соломки; на втором - мне лет 8; морда веселая, рот до ушей (это уже на Урале). Далее - красивый юноша с вьющимся чубом - студент-физтехник в Свердловске (лет 20). Наконец, ныне седовласый дедушка Сергей Николаевич (87 лет).

Жизнь человека сравнивают с деревом. Действительно, похожи. За окном Борисоглеба, где я пишу эти строки, растет ель. Мы посадили ее лет десять назад, когда купили этот дом. Это был хилый росточек, а сейчас - выше дома и занимает площадь, как весь дом. А как глубоко в землю проникают ее корни? Так и у людей за годы жизни образуются связи в ширину и глубину, возникает 'человеко-ель' (tannenbaum-man). 'Я, как дерево стал' - сказал поэт.

Но что это? Мое кресло переместилось на край какого-то обрыва, где с одной стороны скалистая стена, с другой - бескрайняя даль.

'Море, возьми меня в дальние дали
парусом малым вместе с собой', пел Муслим.

Однако в этом море не водная стихия, а что-то непонятное. Вдали оно похоже на туман над водой, но заполнено какими-то вихрями. Вся картина прозрачна и заполнена светом. Это - море информации, вокруг каждого 'tannenbaum-man' (ТМ) миллионы связей и

контактов окружают каждую жизнь. Информация о жизни одного, переплетаясь с другими, образует этот океан. Если воспользоваться терминами квантовой физики, то нити, связывающие жизни различных людей, находятся в состоянии 'запутанности'. Запрос, поступающий с одного конца 'запутанной' нити, проходит до ее другого конца мгновенно. Мы при этом говорим: 'Я вспомнил...'. Наша память - это океан информации ('Солярис') - квантовый информационный компьютер (КИК). 'Когда же в квантовом компьютере изменяется один бит (он называется квантовым битом - кубитом), то вместе с ним согласованно меняются все остальные, и вся суперпозиция мгновенно перестраивается. За счет этого обеспечивается гигантское быстроедействие' (С.И. Доронин 'Квантовая магия', С.-Петербург, 2007). КИК индивидуален для данного человека. Нельзя вспомнить что-либо о другом, если у них нет совместимых 'запутанных состояний'. И, наоборот, независимо от того, когда возникли запутанности, память восстановит события мгновенно во всех деталях. Поразительно, до каких нюансов возникает картина произошедшего много лет назад (звук, запах, цвет). Иногда она нечеткая ('что-то помню...'), тогда мы говорим по-французски 'дежавю'. Однако, если не было запутанных состояний (ЗС), то нет и памяти. Нельзя (пока что) проникнуть в КИК, изменить его содержание. Возможно, когда-нибудь 'любопытные люди' научатся вторгаться в пространство любого КИК и деформировать его. Такие попытки уже делаются с помощью машины пропаганды. Таким образом, вся история человечества является по существу океаном информации, которую во имя 'высших соображений' пытаются часто исказить. Однако, после этого наукообразного отступления вернемся в кресло.

Пожалуй, самый ранний 'кубит' моей памяти относится к 1935 году. Мой младший брат Леонид как раз собирался родиться. Жили мы на Юге Урала, в городке Златоусте. Помню, поскольку игрушек у меня в то время не было, брат еще не родился, поэтому, я, играя, беседовал с деревянным украшением на старинном ореховом туалетном столике, которое звали почему-то 'мадам Могилова'. Почему 'мадам', откуда 'Могилова'?! Но это я хорошо помню не по рассказам мамы. В дальнейшем семья часто переезжала, т.к. отец был инженер-строитель электростанций. Был и Северный Урал (Губаха) и Дальний Восток (Хабаровск) и Донбасс (Сталино-Донецк). Но с кресла эти края не видны, здесь лишь пейзажи, которые прошли передо мной, когда я повзрослел, стал студентом, инженером.

Вот потрясающая панорама Кавказа со стороны Эль-

бруса. А здесь - взгляд на гору Ушба из Сванетии... Целый ряд пейзажей района Свердловска-44 (нынешнего Новоуральска). Здесь молодые инженеры после уральского физтеха УПИ работали на комбинате, который и нынче 'кует ядерный щит'. Вечером после работы часто три друга - Дима, Лева и Сергей - отправлялись на озера (там соединяются два чудных озера Верх-Нейвинское и Таватуй). Брали лодку и по несколько часов гребли и любовались горами, скалами и уральским лесом. А вот маленькая прелестная акварель - опушка уральского соснового леса на границе 'Европа-Азия'; ее написала моя двоюродная бабушка Мария Николаевна Овсяннико-Куликовская, когда приезжала к нам на Урал в гости (году в 1938-1939) из Киева. Бедная 'тетя Маня', как мы ее звали, пропала без вести, когда немцы захватили Киев, где жили мои предки по материной линии.

Рядом с пейзажами расположились деревянные 'скульптуры', которые я мастерил из корней деревьев. Одно время я очень любил это занятие и с каждой фигурой в памяти связана своя история.

А вот фотография 'Аболоня Полведерского' - это я в плавках сижу на скале, вытянув мускулистые руки и ноги на фоне черного моря! Это из судьбоносного похода через Рокский перевал в Грузию. 'Судьбоносный', т.к. здесь юный инженер с Урала покорила сердце прелестной студентки из Москвы Асенки, которая вот уже шестьдесят лет идет со мной по жизни. В нашей счастливой советской молодости были незабываемые 'походы'. Это занятие называлось - туризм. И сегодня мы слышим это слово по каналам СМИ. При этом обсуждают многочисленные туры в Анталию, Италию или Канары. Главное везде: 'все включено'. Разве можно эти унылые 'вояжи в поисках комфорта' сравнить с нашими походами?! В стране была развитая система спортивных маршрутов, охватывающих всю огромную территорию. За небольшие деньги каждый мог приобрести путевку по интересным местам, которых тысячи. Это было доступно даже студентам, а часто такие путешествия были и вовсе бесплатными (через профсоюзы). Мы выбрали такой способ: не покупать путевку заранее, а приехать к исходному пункту нужного маршрута, там оплатить и присоединиться к тургруппе. Таким образом мы прошли Крым, Северный Кавказ, Карпаты и Прибалтику. Но главное, мы получили вкус к путешествиям собственными ногами. К сожалению, современный 'туризм' направлен лишь на комфорт и извлечение денег.

Мы с другом моим Володей направились в г.Орджоникидзе (нынешний Владикавказ), чтобы пройти через Рокский перевал в Сухуми. Вечером на турбазе, обозревая группу, мы познакомились с двумя милыми студентками из Москвы: Асей и Ниной. В моей избраннице Асе меня покорила не только внешность (хотя она была очаровательно веселой, стройной, сероглазой), но и ее любознательность, любовь к поэзии. Она открыла мне стихи Б.Пастернака, о котором я, несмотря на свое высшее образование,

ничего не знал. Вообще, в этих девушках была некая 'столичность', которая нас привлекала. Высшей их оценкой было слово 'современность': 'Ах, как это современно!' Словом, я пропал и следующие два года курсировал между Свердловском и Москвой, пока не женился и не перевез свою ненаглядную из Москвы в 'зону' под Свердловском, где мы поселились, родив сына и дочку. Но это другая история.

Наше 'свадебное путешествие' было пешей прогулкой по Крыму. Начав с Бахчисарая, через Ай-Петри и Яйлу мы спустились к побережью и жили в палатке на турбазе в Алуште. В этом походе я получил травму - упал на каменной лестнице в пещерном городе Чуфут-Кале и сломал ребро. Но даже не заметил этого и прошел весь путь с рюкзаком, много плавал в море и лишь дома на Урале узнал, что был перелом ребра.

Незабываемым был и поход через Карпаты (от Мукачево до Львова) на платформе лесовоза. В конце мы перелетели в Крым и жили в своей маленькой палатке на скале под плеск волн Черного моря. Совершенно замечательным было наше путешествие на Дальний Восток. Воспользовавшись тем, что мой дядя служил на погранзаставе на Курильском острове Кунашир, мы долетели до Иркутска, сели в поезд и проехали Байкал и Забайкалье до Хабаровска, где жили неделю и путешествовали по Амуру с моими школьными друзьями (я окончил школу в Хабаровске). После Амура, который я когда-то в 10 классе переплыл (до сих пор горжусь этим подвигом), мы перелетели на Сахалин, через несколько дней отправились на остров Кунашир. Здесь жили на пограничной заставе (дядя разрешил), бродили по берегам океана, через бамбуковую рощу поднимались на вулкан Менделеев. Об этом мне напоминает кусок вулканической серы с Менделеева, который лежит на полке перед креслом.

Словом, наши путешествия делали жизнь содержательной и яркой, несмотря на то, что в них не было 'все включено'.

А вот целый угол моих полок, посвященный исследованию родословной нашей семьи. Здесь собраны книги, картины, старинные предметы (безделушки, посуда), которые сохранились в семье от предков.

Я уже сказал, что отец, Николай Григорьевич Новиков, был известным в стране строителем электростанций. В разных районах России и ныне работают его 'объекты' (Северный Урал, Южный Урал, Сучан в Хабаровском крае, Белоярская АЭС под Екатеринбургом). В конце жизни он организовал и возглавил проектный институт 'Промэнергопроект' в Екатеринбурге. Начиная свою деятельность в качестве рабочего-электрика на строительстве цепного моста через Днепр в Киеве. Одновременно закончил рабфак Киевского Политехнического института. Это был честнейший и всегда приветливый человек (даже в чем-то наивный), поэтому всеми уважаемый и любимый. Его семья была типичной для мещанско-разночинной рыбинской, а затем московской интеллигенции: отец - бухгалтер, мать - учительница. В своих служебных анкетах, которые у

меня сохранились, он скромно писал: происхождение - из мещан, жена - из дворян. Его 'пролетарская' биография была, по-видимому, защитной грамотой, сохранявшей в сложное время репрессий нашу семью.

Никто из кадровиков не удосужился разобраться, из каких 'дворян' происходила его жена, наша дорогая мама и 'бабуся' Елена Евгеньевна. Мы лишь знали, что ее отец Евгений Адрианович Бессмертный был директором 1-й (центральной) гимназии в Киеве и преподавал древние языки. Я не помню, чтобы в домашних разговорах обсуждалось происхождение мамы, поэтому думаю, что она его подробно не знала сама. Конечно, мы хорошо знали ее теток: отец и мать (наши бабушка и дедушка) рано умерли в 20х годах и воспитывали ее тети, Мария и Варвара Овсяннико-Куликовские. Мы, дети, любили маминых тетушек, тетя Варя всю жизнь прожила в нашей семье и похоронена в Екатеринбурге. Слышали мы от мамы кое-что и о 'дядюшке', Дмитрие Николаевиче Овсяннико-Куликовском. Он был сводным братом наших тетушек, но особого интереса ни у кого не вызывал. Однако, когда я повзрослел, то его личность очень меня заинтересовала, особенно после того, как я увидел и купил изданный в 1983 г двухтомник его 'избранного'. Оказалось, что он был академиком российской академии (той самой, дореволюционной!), известным ученым-филологом, автором капитального многотомного труда 'История русской интеллигенции' и редактора журнала 'Вестник Европы' в Петербурге. К сожалению, мы не могли с ним встретиться, т.к. он умер в Одессе тоже в 20-е годы.

Разумеется, я стал кропотливо изучать его труды, которые стали теперь библиографической редкостью. Он был, несомненно, одним из видных российских интеллектуалов, соавтором знаменитого сборника 'Вехи'. В 20-е годы в Одессе он общался с И.Буниным, Г.Паустовским и другими писателями. Его значение и жизнеописание требует особого разговора. Для нашей беседы важно, что я прочел (в двухтомнике) его воспоминания о предках рода. Это меня так поразило, что я лет десять потратил на создание 'генеалогического древа' своей мамы и добился в этом успеха (о чем свидетельствует стоящая на полке 'награда', полученная от правительства Москвы). Используя довольно большой семейный фотоархив (эти старинные, 'вечные' фотографии стоят против моего кресла), воспоминания ДН и беседы с профессиональным историком 18 века Вячеславом Сергеевичем Лопатиным, я построил 'дерево'. Оказалось, что во главе рода Овсяннико-Куликовских находится внучка светлейшего князя Г.А. Потемкина и Екатерины II, Варвара Ивановна Калагеорги. Греческая фамилия нашей 'пра' также историческая. Она появилась от мужа дочери Потемкина и Екатерины II - Елизаветы Григорьевны Темкиной (ее портрет кисти Боровиковского находится в Третьяковской Галерее, а репродукция - на моей полке) Ивана Христофоровича Калагеорги - греческого аристократа, мальчиком привезенного из Греции Екатериной II в Россию для участия в воспитании ее внука Алек-

сандра. Его дочь, Варвара Ивановна, вышла замуж за малороссийского помещика Николая Григорьевича Овсяннико-Куликовского и дала жизнь линии наших предков.

Дальнейшие подробности 'древа' я не буду приводить; об этом я написал большую статью 'Потомки Потемкина', опубликованную в ежегоднике 'Памятники культуры. Новые открытия' в 2004 г. Мои исследования были настолько успешны, что городские власти города Херсона, узнав об этом, дважды приглашали меня (с дочерью) на свои исторические праздники (на 225-летний юбилей и открытие памятника Потемкину). Эти поездки и контакты с местными историками были очень интересны и полезны. Я побывал на могиле Г.А. Потемкина в Екатерининском храме, а также посетил место захоронения В.И. Овсяннико-Куликовской (Калагеорги). Недалеко от Херсона находилось их имение (Бехтеры), где я посетил развалины дома Н.Н. Овсяннико-Куликовского. Он был крупным землевладельцем в Малороссии, предводителем дворянства и основателем знаменитой Каховки (теперь города), краеведческий музей которого также состоял со мной в переписке и приглашал. Из поездок в Херсон я привез сувениры - кирпичи развалин дома в Бехтерах. Они также стоят на моей полке рядом со старинной фотографией, изображающей моего прадеда Н.Н. с семейством на крыльце этого дома в Бехтерах.

На полках, посвященных родословной, кроме перечисленного, сосредоточены основные книги, изданные в последние годы, посвященные Потемкину и Екатерине II. В частности, их переписка, изданная В.С. Лопатиным. Поскольку и Е.Г. Темкина и В.И. Калагеорги имели многочисленное потомство (по 8-9 детей разного пола), то естественно, и в наше время должны быть их потомки. Действительно, мне удалось разыскать некоторых из них: фотографии так же смотрят на меня с полки. Среди детей Е.Г. Темкиной старшей дочерью была Варвара, давшая начало линии Овсяннико-Куликовских. Потомкам старшего ее сына Александра удалось до наших дней сохранить историческую фамилию Калагеорги. Я познакомился с американцами Львом Платоновичем Калагеорги и его сыном Андреем Львовичем. Первый длительное время работал в России на автозаводе в Тольятти (Набережных Челнах) как специалист (он был сотрудником фирмы 'Дженерал Моторс'). Мы встречались с ним в Москве, хотя постоянно его семья проживает в США (Детройт). К глубокому сожалению, несколько лет назад его не стало. Его сын, Андрей Калагеорги, также гражданин Америки, занимается банковским бизнесом. Несколько лет назад он пытался работать в Петербурге, но ему это не удалось, и он снова уехал в США. Оба они были очень приятными благожелательными людьми и активно интересовались своей исторической родословной.

Во время одной из моих поездок в г.Херсон я познакомился также с Ангелиной Ивановной Муляр, приехавшей из Одессы. Обменявшись информацией,

мы установили, что и она является потомком Е.Г. Темкиной. А.И. активно интересуется своей исторической родословной и даже прилетала в Москву, когда в Царицыно была выставка, посвященная Екатерине II и Потемкину. Есть сведения, что в Киеве живет еще один потомок Потемкина (Масальский Владимир Владимирович). В Калуге также есть наш дальний родственник.

После исследования 'древа' у меня появились забавные приступы 'дежавю'. Возможно, это самовнушение, но в некоторых ситуациях возникает ощущение, что 'это' когда-то со мной уже было. Хотя ясно, что этого быть не могло. Впервые я ощутил это странное состояние, когда еду в Херсон на поезде, любовался проносящимися за окнами степными просторами Малороссии. Какое-то возбуждение и впечатление 'это было', 'я это все уже видел'. Особенно ярко приступы 'дежавю' появляются, когда я слушаю музыку Г.Свиридова к фильму 'Метель'. Я очень люблю и ценю этого композитора; музыкальные картины к повести Пушкина - его лучшие шедевры. Много раз, когда мне приходилось их слушать, в памяти возникали картины: как я еду в метель на тройке, или танцую на балу среди девиц и кавалеров XIX века, или грущу под звуки романса... Наверное, это проявление 'квантового информационного компьютера'?..

Если еще немного повернуть кресло, то перед глазами появляется стол, уставленный образцами минералов в аккуратных коробочках. Это моя коллекция, которую собирал всю жизнь, подбирая с земли или покупал в киосках. Я их люблю и часто просматриваю. Есть несколько образцов, найденных просто во дворе (наверное при каких-то строительных работах принесены вместе с щебнем). Это куски известняка, сформированные доисторическими существами - червями, водорослями. Известняк имеет отпечатки ячеек, сот, следы раковин.

По роду своей работы мне пришлось ознакомиться с книгой известного минеролога В.Н. Сальникова, в которой он приводит результаты исследований о том, что при некоторых тепловых обработках минералы излучают электромагнитные импульсы. В геологии это явление широко используется. Этим очевидно объясняется старинное учение о влиянии различных минералов на здоровье человека (имеется также работа В.Н. Сальникова по этой теме). Возможно, коллекция минералов неизвестными мне путями влияет и на мое здоровье.

Вообще, коллекционирование - это мое 'хобби': с 13 лет я собирал почтовые марки (продал несколько коллекций старой Германии). Сейчас у меня осталась лишь коллекция царской России с ~ 1840 г до 1917 г. Есть и тематические собрания: французская живопись, геральдика всего мира. Кроме того, значки с минералами и др. барахло. Но главным богатством я считаю свои книги, которые обступают мое кресло со всех сторон. Я не считал их количества, но, наверное, несколько тысяч.

Если вдуматься, странная вещь - книга. По-существу, это зафиксированный кубит КИК, т.е. информация о

жизни (или воображении) автора. Законсервированная память. В отличие от 'запутанного состояния', присущего мне, я путем нескольких действий могу подключиться к ЗС другого человека (автора). Не имеет значения, каким способом зафиксирована информация: отпечатана ли на бумаге или записана на компакт-диске. Кстати, в первом и втором случаях в качестве носителя применяется дисперсное (пористое) твердое тело, что наводит меня на мысль, что необходима развитая поверхность тела.

Следовательно, сидя на своем кресле, я окружен толпой людей, скоплением ТМ (еловая роща). Однако, все запутанные системы фиксированы в жестких пористых хранилищах (страницах), и, чтобы вызвать тот или иной кубит, надо лишь выполнить процедуру - прочесть. Я же, ничтожный, сидя в центре этого великолепного общества, мановением руки позволяю высказаться тому или иному ТМ, или критикую, либо одобряю, пользуясь его беззащитностью. Есть в этом какая-то несправедливость?! Интересно также, что окружающие мое 'кресло' книги не случайны. Я их тщательно подбираю. В основном, это стихи близких мне поэтов. Ведь поэзия - это 'литературная математика'. Как в науке, можно описать большое физическое явление краткой формулой, так несколько поэтических строк передают настроение, тревогу, любовь, природу... Более того, возникает музыка слов. Окружающие меня книги создают особый уют и теплоту моего 'кресла'.

А что я делаю сейчас, записывая эти строки? Тоже фиксирую свои жалкие 'запутанные состояния' с тайной надеждой, что кому-нибудь они станут известны. Мне кажется, что писание воспоминаний - это такой же могучий инстинкт, как размножение. К концу жизни человеку необходимо оценить свою жизнь, показать другим, что не зря он столько лет 'коптил небо'. Некоторые даже думают, что их излияния помогут другим избежать ошибок, трудностей. Увы! Каждый идет своим путем, пользуется своей машиной (телом). И, несмотря на то, что все мы одинаково устроены (за исключением мелочей, неполадок - для этого существует медицина), запутанные системы каждого уникальны. Меня, в частности, привело к этому сочинению ощущение чуда, явление памяти. Чтобы там не 'мычали' так называемые 'ученые' - это чудо. Ведь достаточно перевести взгляд, сидя в моем кресле, справа налево и мгновенно возникает вся жизнь, судьба, продолжающаяся вот уже более восьми десятков лет! Вы скажете 'Наивно'. Пусть! Это чудо! Кстати, чудопомыть свойственна не только людям. Животные, растения и даже вода имеют память. Если все же читатель этих строк спросит: 'Какой же вывод из этой истории? Что автор может считать главным оправданием своей длинной жизни 'в кресле'?'. Мне кажется, за одно дело я все же заслуживаю похвалы - я показал своим детям и внукам длинную цепочку человеческих жизней и судеб, которые породили их.

Согласитесь, это важно.

Простите мне. Я сам себе судья.
Простите мне, покойные кормильцы.
Лежит в земле фамилия моя,
а те, другие, лишь однофамильцы.
Простите мне за то, что уцелел.
За то, что был калика, а не воин.
За то, что лгал. За то, что не жалел
того, кто жил и жалости достоин.
Простите - я не ведал, что творил,
и не в родню забывчивостью вышел.
Я только сам с собою говорил
и никого за голосом не слышал...' (Г. Русаков)

2018 г.